

ВЪ ГОРАХЪ АЛА-ТАУ.

(Изъ исторіи бунта Кенисары Касымова, 1843—1847 г.г.).

I.

ВЕЧЕРЪЛО. Блѣдныя дрожащія тѣни расплзались по ущелью Кизиль-агачъ, исчезая въ глубинѣ, гдѣ звонко гремѣлъ ручей по гранитнымъ порогамъ. Глубокое синее небо причудливо убрано перистыми облачками, среди которыхъ плавно плыла луна, бросая снопы изумруднаго свѣта на ковыльную степь, по склонамъ ущелья... Кругомъ тишина. Только изрѣдка послышится рѣзкій крикъ луны, и громадная черная тѣнь прорѣжетъ дрожащій отъ луннаго свѣта воздухъ...

У вершины ущелья обрисовались силуэты двухъ всадниковъ, которые медленно стали спускаться по отлогому склону. Лунный свѣтъ заигралъ на ихъ ятаганахъ, остріяхъ пикъ, наборныхъ чапракахъ, уздечкахъ... Кровные аргамаки, вытянувъ шеи и выпуская изо рта тягучія нити пѣны, осторожно ступали по гранитнымъ выступамъ. Ущелье заканчивалось широкой долиной, среди которой вилась серебристая лента рѣчки Кудукъ. Одинъ изъ всадниковъ натянулъ поводья и произнесъ уставшимъ голосомъ:

— Отдохнемъ здѣсь, Али! До ставки Кенисары еще пять часовъ пути.

— Нѣтъ, Нурджанъ, скорѣе закончимъ нашъ путь... Я горю радостью встрѣчи съ великимъ «борцомъ вольной степи» и его красавицей Айтолконъ... Аргамаки наши бодро пройдутъ этотъ недолгій путь, и мы найдемъ тамъ лучшій и болѣе пріятный отдыхъ.— Горячо воскликнулъ Али, совсѣмъ еще юный киргизъ.

— Ты, Али, еще молодъ и не знаешь, какъ опасно совершать теперь путь въ Ала-тау... Надо беречь силы аргамаковъ, чтобы уйти отъ мстительнаго рода каракипчаковъ, степь котораго недавно Кенисара сжегъ до тла, перерѣзалъ скотъ, увелъ въ плѣнъ женъ и дѣтей...

Сказавъ это прежнимъ уставшимъ голосомъ, спутникъ Али слѣзъ съ сѣдла, расправилъ отекишія ноги и началъ разсѣдывать лошадь.

Али молча послѣдовалъ за нимъ. Черезъ полчаса стреноженные аргамаки жадно срывали траву, весело фыркая, а путники разостлали свои дорогіе халаты и сѣли на нихъ.

— Скажи, Нурджанъ,—перервалъ молчаніе Али,—какъ Аллахъ помогъ славному хану Кенисарѣ взять это скверное племя каменныхъ киргизъ ¹⁾. Ты, вѣдь, знаешь, что я въ это время ходилъ съ отцомъ на баранту къ измѣнникамъ изъ рода джагалбайлинскаго, предавшимся невѣрному урусу.

Нурджанъ провелъ рукой по лицу, какъ бы отгоняя мысли, которыя вихремъ проносились въ его головѣ, и нить которыхъ прервалъ Али.

— Аллахъ-акбаръ! Ты просишь разсказать про походъ батыря Кенисары противъ каменныхъ киргизъ... Да, то былъ страшный походъ, то была жестокая казнь... Ты знаешь, батырь Кенисара возсталъ противъ невѣрнаго уруса, задумалъ сбросить поганяя цѣпи и освободить нашу бѣдную степь отъ страшнаго позора и рабства. Именемъ Пророка онъ призываетъ къ этой священной войнѣ всѣхъ правовѣрныхъ, но немногіе роды остались вѣрными Корану, завѣтамъ первыхъ просвѣтителей, озарившихъ нашу степь истиннымъ свѣтомъ, и завѣтамъ нашихъ отцовъ. Немногіе откликнулись на призывъ Кенисары и примкнули къ нему. Тогда грозный мечъ султана обратился и на всѣхъ измѣнниковъ, не только покорно сносившихъ позорныя цѣпи уруса, но и усердно помогавшихъ ему. Первыми поплатились япасскій и кипчакскій роды, которыхъ Кенисара разбилъ при урочищѣ Кара-уба, а потомъ китайскіе киргизы, кочевавшіе близъ озера Коккый-куль. Только племя дикокаменныхъ киргизъ не хотѣло признавать власти султана Кенисары и дѣлало частые набѣги на его подданныхъ.

— Алла... Султанъ рѣшилъ наказать за это непокорное племя и, оставивъ на время войну съ урусами, пошелъ со всѣмъ войскомъ на него. Трудно было покорить это храброе племя, много времени было потрачено, много людей загублено въ этой борьбѣ. Высокія скалы, глубокія ущелья, стремнины помогали обитавшему въ нихъ роду и затрудняли движеніе войскъ султана. Тогда Кенисара далъ

¹⁾ Воинственное племя дикокаменныхъ киргизъ обитаетъ въ горахъ Ала-тау и по берегу Аральскаго моря.

клятву всемогущему Аллаху и его Пророку, что съ корнемъ вырветъ это проклятое, невѣрное племя, и отчаяннымъ приступомъ сталъ брать аулы. Аллахъ-акбаръ... Какимъ казнямъ, какимъ мученьямъ султанъ предавалъ жителей покоренныхъ ауловъ!... Сколько крови и слезъ было пролито въ этотъ походъ, сколько стоновъ, проклятій слышалось въ воздухѣ, сколько безпомощныхъ рукъ поднималось къ небу! Напомнилъ онъ мнѣ...

Нурджанъ вдругъ замолчалъ. Холодный потъ струился по его лицу, искаженному злобой и страданіемъ. Онъ безпокойно взглянулъ на Али, думая найти на его лицѣ изумленіе, а, пожалуй, и ужасъ, но тотъ дремалъ, блаженно улыбаясь, и, какъ видно, давно не слушалъ разсказа.

Нурджанъ нервно провелъ рукой по мокрому лбу, надѣлъ «малахай» и беззвучно произнесъ:

— Вставай, Али, время ѣхать! Скоро будетъ полночь...

Али быстро поднялся и съ прежней сладкой улыбкой, не сходившей съ его крупныхъ губъ, сталъ готовиться въ путь.

II.

Въ одинъ изъ первыхъ дней послѣ новолунія мѣсяца Дзулкаде, Кенисара принималъ у себя хивинскихъ пословъ, извѣстившихъ султана, что «славное Хивинское государство заключаетъ съ славнымъ батыремъ Кенисарой союзъ противъ невѣрныхъ гяуровъ», и при этомъ были поднесены богатые подарки: пятнадцать лучшихъ аргамаковъ, два золотомъ шитыхъ сѣдла, двѣ пушки и нѣсколько верблюдовъ, изъ которыхъ два были навьючены порохомъ.

Кенисара былъ обрадованъ и польщенъ такимъ вниманіемъ прежде гордаго и надменнаго съ нимъ хивинскаго хана, и нѣсколько дней подъ рядъ съ небывалою роскошью чествовалъ дорогихъ пословъ.

Долина Ханъ-Жолъ, въ которой Кенисара расположился лагерь, пестрѣла отъ шатровъ, людей и скота. Съ утра до глубокой ночи раздавались немолчно говоръ, крики, пѣсни, звуки чибызги, домбры, ржаніе коней, ревъ верблюдовъ и блеяніе овецъ... На всемъ пространствѣ пылали костры, дымились «казаны», разнося по всей долинѣ сладковатый запахъ мяса...

Въ глубинѣ долины чернѣла небольшая роща, состоящая изъ карагача и ясеней. Высокіе стволы деревьевъ были совершенно голы, а верхушки шатрами раскидывались въ выси и образовали зеленый сводъ, сквозь который голубое, безоблачное небо выглядывало только небольшими клочками. Въ срединѣ рощи задорно журчалъ небольшой ручей, неся свои чистыя, изумрудныя воды въ бурный Джиланчикъ. Между деревьями, по берегамъ ручья, красовались богато убранныя кибитки султана и его свиты. Особенно же рѣзко выдѣ-

лялась убранствомъ «кунацкая кибитка». Дорогіе текинскіе «па-лазы» устлали ея полъ, вышитыя шелкомъ тесъмы прихотливо пере-вивали своды, горы дорогихъ одѣялъ, мягкихъ подушекъ возвы-шались по стѣнамъ, а по срединѣ, на рѣзной подставкѣ, красовался огромный турсукъ съ кумысомъ...

Раздался рѣзкій пронзительный крикъ. Все стихло. Аксакалы (старики) поднялись и стали на коврикъ, сложивъ на животѣ руки и почтительно склонивъ сѣдыя головы, покрытыя бѣлыми чалмами. Наѣздники выстроились въ рядъ и устремили свои взоры на ша-теръ агиды (вождя). Заиграла зурна (рожокъ), ударили даира (бубны), зазвенѣлъ чунгуръ... Толпа дѣвушекъ съ длинными косами, въ шел-ковыхъ цвѣтныхъ шальварахъ, густыми складками спускавшихся на маленькіе, высокіе сапожки, предводительствуемая красавицей Айтолконъ, окружила стоявшаго у кибитки агиду.

Понеслась по долинѣ бойкая пѣсня, быстро замелькали по травѣ маленькія ножки восточныхъ красавицъ... Сколько чудной граціи, свободы въ ихъ движеніяхъ, сколько страстности въ черныхъ гла-захъ... Вотъ ворвались въ кругъ мнимые смуглыми ручками, страст-ными взглядами молодые батыри. Обхватили ихъ сильныя руки трепещущіе дѣвичьи станы, и пары быстро закружились въ бѣше-номъ танцѣ...

Кенисара, высокій мужчина, съ короткой черной бородой, въ бѣ-ломъ халатѣ, перетянутаго серебрянымъ поясомъ, на которомъ ви-сѣлъ дорогой ятаганъ, въ высокой бѣлой шапкѣ, въ козловыхъ красныхъ чувякахъ, убранныхъ мелкими серебряными монетами, гордой поступью направлялся къ ручью. Сдвинутыя брови, сжатые губы, злые глаза говорили о его крутомъ нравѣ, объ отсутствіи доб-раго сердца. Только одна Айтолконъ умѣла смягчать этого грознаго царька...

Процессія приблизилась къ аксакаламъ, и пляска прекратилась. Агидъ, свершивъ съ аксакалами краткій намазъ, сѣлъ на богатомъ коврѣ, приглашая къ тому же гостей небрежнымъ движеніемъ руки.

— Аллахъ-акбэръ! Пусть наши храбрые джигиты покажутъ го-стямъ свою удалъ. Бисмилла!—звучно произнесъ агидъ.

Толпа наѣздниковъ приблизилась къ нему.

— Аллахъ-акбэръ! Славные джигиты рода Касымова! Покажите на-шимъ гостямъ, что вы не сидѣли все время около матерей, не уха-живали за красавицами, что вы сыны набѣговъ, походовъ, батыри, достойные свободы. Наградой вамъ будутъ подарки изъ рукъ на-шихъ красавицъ, похвала аксакаловъ и любовь вашего агиды. Бис-милла!

Сказавъ это, онъ сдѣлалъ рукой знакъ дочери, и та быстро стала между отцомъ и наѣздниками. Въ рукѣ она держала большой шел-ковый платокъ. Всѣ взоры устремились на Айтолконъ. О, какъ она была дивно хороша! Невольно думалось всѣмъ, что она съ своимъ

гибкимъ, стройнымъ станомъ, съ длинными рѣсницами, закрывавшими черные, полные страсти и нѣги глаза, съ своими маленькими, точно выточенными смуглыми ручками создана только для созерцанія, любованія, а не для того, чтобы стать женой-рабой и скрыть свою чудную молодую красоту подъ густой чадрой. Любовались ею не только юные наѣзтники, изъ коихъ никто не дерзалъ даже мечтать владѣть этой «звѣздой Ханъ-Жола», не только старики сладко чмокали дряблыми губами, но и подружки забыли про своихъ возлюбленныхъ, не обращая вниманія на ихъ измѣну въ данный мигъ... Вотъ Айтолконъ среди общаго молчанія очарованной толпы быстро приблизилась къ одному джигиту и повязала платкомъ шею его аргамака... Всѣ очнулись... Какъ вихрь, вырвался изъ строя счастливый наѣзтникъ и понесся по долинь. Остальные ринулись за нимъ, отчаянно джигитуюя на всемъ скаку: то соскакивали съ сѣделъ, то разсѣдывали и снова осѣдывали лошадей, сидя на крупѣ, то ловко сбивали шаръ со столба...

Въ долинь показались Нурджанъ и Али.

— Славный батыръ Кенисара, Аблаева рода. Да хранить тебя всемогущій Аллахъ! Два казака ¹⁾ ѣдутъ къ тебѣ съ привѣтомъ отъ младшаго брата-друга Гуссейна, — проговорилъ, прикладывая руку къ сердцу, молодой киргизъ, вооруженный съ ногъ до головы.

— Пусть накормятъ и напоятъ ихъ аргамаковъ, а ты проводи дорогихъ гостей въ кувацкій шатеръ и яства приготовь, — сурово произнесъ Кенисара.

Вечеромъ Нурджанъ тихо бесѣдовалъ въ цвѣтномъ шатрѣ съ Кенисарой, который сталъ грознѣе тучи, темнѣе осенней ночи.

— Да благословить тебя Аллахъ, славный Нурджанъ! Передай брату и другу моему Гуссейну, правителю Хобды, что его предложеніе мнѣ лестно, и я дамъ Али тысячу джигитовъ для набѣга на Орь, и если онъ молодецки выполнитъ это, то пусть готовить калымъ: Айтолконъ будетъ его женой.

Кенисара помолчалъ, а потомъ, устремивъ свой ястребиный взоръ на Нурджана, рѣзко спросилъ:

— Что же назаровцы, къ которымъ принадлежишь и ты, намѣрены признать меня султаномъ или думаютъ покорно нести позорныя цѣпи гяуровъ?

Нурджанъ вздрогнулъ, но чрезъ мгновеніе онъ снова былъ спокоенъ и, покорно склонивъ голову, тихо промолвилъ:

— Великій и славный батыръ Кенисара, достойный внукъ Аблая! Да хранить тебя Аллахъ! Назаровцы ждуть тебя давно и при первомъ призывѣ ринутся на русскіе города и села...

— Передай, что я пощады измѣнникамъ не даю... Сотру весь родъ, какъ стеръ поганный родъ тлявцевъ. Ступай...

¹⁾ Киргизы называютъ себя «казаками».

Нурджанъ злобно сверкнулъ глазами по фигурѣ суроваго владѣльца, но, когда ихъ взоры встрѣтились, Нурджанъ подобострастно принялъ покорную позу и тихо, точно кошка, вышелъ изъ кибитки.

Аулъ спалъ.

Нурджанъ прислушался, вперивъ свой взоръ куда-то вдаль...

Ни звука... Только сопѣніе верблюдовъ нарушало тишину.

Нурджанъ быстро сорвалъ чалму, сбросилъ дорогой халатъ и осторожно поползъ къ кибиткѣ Айтолконъ. Вотъ онъ у цѣли. Въ кибиткѣ темно. Приподнявъ слегка кошму, закрывающую входъ, Нурджанъ издалъ гортанный звукъ, похожій на ворчаніе барса. Послышался шорохъ. Нурджанъ быстро отскочилъ отъ кибитки и мгновенно скрылся въ джунгляхъ. Осторожно поднялась дверь кибитки, и въ нее проскользнула женская фигура. Луна обливала степь волшебнымъ матово-синимъ блескомъ, и очертанія кибитокъ, заросли, хребетъ вырисовывающихся вдали горъ принимали фантастическія очертанія.

Въ джунгляхъ (заросли) повторилось рычаніе барса. Скользнула блѣдная тѣнь, и снова тишина.

Передъ Нурджаномъ стояла, стыдливо опустивъ глаза, красавица Айтолконъ.

— Здравствуй, Айтолка... Беримжанъ шлетъ тебѣ свой привѣтъ и приказалъ собираться въ путь. Отецъ твой ненавидитъ его родъ и скорѣе согласится видѣть тебя мертвой, чѣмъ женой Беримжана. Здѣсь невдалекѣ ждетъ тебя нашъ союзникъ, и ему ввѣрься, а я останусь пока здѣсь.

Айтолконъ вся дрожала.

— Готова ли ты бѣжать къ Беримжану, или предпочтешь стать женой собаки Алійки, подлаго сына Гуссейна?

— Нѣтъ, Нурджанъ... возьми меня отсюда скорѣе... Я знаю, что отецъ убьетъ меня, а не отдастъ Беримжану...

— Ну, пойдемъ...

Нурджанъ взялъ Айтолконъ за конецъ чадры и углубился съ нею въ заросли.

На утро весь аулъ въ страшной тревогѣ—исчезла Айтолконъ, Кенисара зловѣще молчалъ. Во всѣ концы полетѣли джигиты.

Кто могъ ее похитить?—вопросъ, который мучилъ Кенисару, надъ разрѣшеніемъ котораго напрасно ломали головы приближенные.

Прошло два дня.

Джигиты возвращались на измученныхъ аргамакахъ съ неутѣшительными вѣстями.

Айтолконъ точно въ воду канула.

Никто не рѣшался войти въ кибитку Кенисары.

Только одинъ Нурджанъ осмѣлился заговорить съ грознымъ ханомъ.

— Славный агидъ! рабъ твой Нурджанъ осмѣливается нарушить священное молчаніе.

— Ну, говори...

— Звѣзда степи, красавица Айтолконъ не погибла... Нѣтъ, я въ этомъ увѣренъ. Она похищена, и мнѣ сдается—твоими измѣнниками каракипчаками. Вѣдь, двухъ не досчитываются... Они мстятъ тебѣ за свои аулы, женъ и дѣтей.

— Молчи, собака.

Глаза Кенисары злобно засверкали, но и фигура Нурджана дышала ненавистью. Такъ продолжалось одно мгновеніе, послѣ котораго Кенисара снова впалъ въ глубокое раздумье, а Нурджанъ безстрастно смотрѣлъ на узорчатые тѣсмы кибитки.

— А что если ты правъ, Нурджанъ? О, тогда я съ корнемъ вырву поганый родъ кара-кипчаковъ...

Съ минуту Кенисара помолчалъ, потомъ три раза ударилъ въ ладони рукъ. Явился джигитъ.

— Позвать ко мнѣ аксакаловъ и агидовъ. Останься и ты, Нурджанъ.

На совѣтѣ рѣшено было послать два отряда джигитовъ, въ томъ числѣ и Али, въ ущелья Кара-су и Томакъ-агачъ, чтобы окончательно истребить каракипчаковъ.

Когда кибитки опустѣли, Кенисара быстро поднялся и, злобно потрясая въ пространство ятаганомъ, глухо проговорилъ:

— О собаки! Горе вамъ... Упьюсь я кровью вашей поганой, надругаюсь надъ красавицами и женами, съ сладостью буду убивать дѣтей вашихъ.

III.

Разграбивъ и спаливъ степь вблизи Кара-су, отряды Мамета и Али расположились лагеремъ въ долину Джаманъ-тау, у подножія горы Шайтанъ-тау. Отсюда они рѣшили итти на Кара-су, гдѣ собрались всѣ аулы каракипчаковъ, и гдѣ они надѣялись захватить главныхъ вождей непокорныхъ родовъ. Здѣсь будетъ послѣдняя битва, послѣдняя расправа съ кипчаками, конецъ ужасной драмы, длившейся уже пятый мѣсяцъ...

Ночь. Въ лагерѣ тихо. Сырой рѣзкій вѣтеръ немолчно тянулъ свою жуткую пѣсню, нещадно трепля мокрые пологи рваныхъ палатокъ. Изрѣдка падала на землю мелкая сѣѣжная крупа, глухо барабанила по набухшему холсту.

Джигиты, утомленные долгимъ переходомъ, до костей промокшіе отъ моросившаго цѣлый день дождя, спали богатырскимъ сномъ, плотно завернувшись въ паласы и халаты. Только въ одной кибиткѣ слабо мерцалъ потухающій очагъ. То была кибитка Али. Онъ, поджавъ подъ себя ноги, сидѣлъ на мокромъ палазѣ, склонивъ голову на грудь. Сонъ бѣжалъ отъ него.. Безысходная тоска грызла сердце... Къ прежней думѣ, къ прежнему страстному желанію обладать красавицей Айтолконъ, еще сильнѣе охватившему все

существо молодого киргиза, присоединилась жажда мести за нанесенную обиду. Надежда, отчаяніе, ревность, сладость поцѣлуя—все это живо рисовалось и быстро проходило въ воспаленномъ мозгу Али, то заставляя его замирать отъ блаженства, то больно сжимая сердце... Но вотъ сильный порывъ вѣтра, глухой стукъ снѣжной крупы, пронизывающій холодъ возвращали его къ тяжелой дѣйствительности и напоминали ему разбитыя надежды, страшную обиду, малую вѣроятность отыскать Айтолконъ. Все его существо наполнялось жаждой крови, стоновъ обидчика. Какія муки, истязанія готовилъ онъ своему сопернику?..

Али поднялъ свое блѣдное, измученное лицо, судорожно сжалъ руки и простоналъ отъ внутренней боли.

— Но гдѣ? Гдѣ она? Гдѣ проклятый соперникъ?—беззвучно шептали его высохшія губы.—Онъ обнимаетъ теперь гибкій станъ милой, цѣлуетъ ея коварныя очи, сплетаетъ поганой рукой черныя косы и смѣется надо мной... О проклятый похититель! Далеко ты запряталъ свою газель, долго убѣгаешь отъ нашихъ ножей, но скоро попадешься и ты, и на глазахъ милой, которую возьметъ себѣ въ жены Али, будешь корчиться въ страшныхъ мукахъ, если не умертвить тебя раньше ятаганъ!

Съ искаженнымъ злобой лицомъ, съ пѣной у рта, съ безумно блуждающими глазами, при тускломъ свѣтѣ Али былъ страшенъ, и, казалось, всѣ атомы его организма прониклись злобой, жаждой мести. Забросивъ руки, онъ съ подавленнымъ стономъ повалился на палазъ и снова отдался терзаніямъ, снова думы больнѣе и больнѣе сжимали его сердце...

Входной пологъ кибитки тихо поднялся, и вошелъ Нурджанъ.

Али быстро вскочилъ и схватилъ его мокрыя руки.

— Ну, что? Видѣлъ ее? Говори скорѣе! Знаешь, гдѣ она?—задышавъ, шепталъ онъ.

— Постой, Али, постой. Сначала я отдохну, а тамъ и расскажу тебѣ все, что узналъ про твою невѣсту.

Спокойно проговорилъ вошедшій, усаживаясь предъ огнемъ.

— Алла,—тихо произнесъ Нурджанъ и, скривя ротъ въ нехорошую улыбку, посмотрѣлъ на Али.

— Не мучь, заклиная тебя великимъ Пророкомъ. Говори скорѣе!—вскричалъ Али.

— Алла! Пройдетъ завтра день, и не успѣетъ настать другой, какъ ты будешь обнимать свою возлюбленную, цѣловать ея уста, срывать дрожащими руками съ ея пышной груди дорогую одежду и, упиваясь блаженствомъ, цѣловать... мертвыя очи,—алобно заходящаго, сказалъ Нурджанъ.

Мертвенная блѣдность покрыла лицо Али.

— Да скажешь ли ты, зловѣщій коршунъ, гдѣ Айтолконъ, и что говорятъ твои слова и смѣхъ шайтана?—вскричалъ Али, хватывая ятаганъ.

— Алла!—продолжалъ Нурджанъ, не мѣняя позы и попрежнему насмѣшливо смотря на грознаго юношу.—Спрячь свой ножъ, а то онъ потускнѣетъ отъ дождя, Нурджанъ его не боится. Успокойся и слушай, гдѣ носилъ меня аргамакъ, и что узналъ другъ твоего отца, Нурджанъ. Алла! Отецъ твой, данный намъ въ агиды самимъ Пророкомъ, послалъ меня къ Кенисарѣ узнать про его силу и могущество, чтобы знать, какъ ему, твоему отцу, поступить — примыкать ли къ Кенисарѣ или не поднимать мятежа противъ урусовъ. Ну, и тебя ему хотѣлось пристроить къ Кенисарѣ, породниться съ нимъ. Вотъ я и служу тутъ вамъ всѣмъ, ищу бабу... Ха... ха... ха!... Ну, ну, зубами не скрежещи... Слушай! Айтолконъ теперь жена Беримжана, заклатаго врага твоего отца. Она полюбила его, когда Кенисара былъ походомъ на Уилѣ, любитъ мужа больше Магометова рая и поклялась умереть, лишь только сомкнутся навсегда очи милаго. Эта жена сдержитъ клятву, она тверда такъ же, какъ прекрасна. Она не позволитъ чужой рукѣ дотронуться до своего гибкаго, какъ лоза, стана, до своихъ черныхъ костей, и ты, Али, получишь отъ нея гостинецъ еще лучше, чѣмъ...

— Замолчи, рабъ!.. Убью, собака!... Съ пѣной у рта вскричалъ дрожащій Али и замахнулся ятаганомъ.

Нурджанъ поспѣшно уклонился отъ удара, схватилъ за руки Али и, сверкая глазами, быстро и злобно зашепталъ:

— Помни, щенокъ, ты мой заклятый врагъ, внукъ гнуснаго злодѣя, сгубившаго мой славный родъ. Отецъ мой съ твоимъ дѣдомъ были дружны, клялись свято хранить союзъ, любовь, защищать вѣру Пророка, избивать гяуровъ. Но дѣдъ твой, завидуя могуществу, славѣ и батырству моего рода, какъ змѣя, какъ злой барсъ, подкрался къ нашимъ ауламъ ночью, когда въ нихъ оставались одни жены, дѣти, старики, а всѣ батыри ушли на аламанъ, и... о всемогущій Аллахъ! Я былъ тогда мальчишкой, но и теперь въ моихъ ушахъ стоитъ зловѣщій топотъ, крикъ злодѣевъ, стоны убиваемыхъ женъ, дѣтей, ревъ угоняемыхъ стадъ, испуганное ржаніе сбатованныхъ аргамаковъ... Меня привязали къ сѣдлу, какъ собаку... Коварный измѣнникъ на другую ночь засѣлъ въ камыши и ждалъ отца моего. Въ ту же ночь я пытался бѣжать, но злодѣи схватили меня и, жестоко избивъ по пяткамъ палками, отрѣзали по пальцу на каждой ногѣ. Весело, радостно ѣхали батыри съ славнаго набѣга, грузно ступали за ними нагруженные отбитымъ добромъ верблюды. Вотъ и камыши Уила, а тамъ всего два часа до родныхъ ауловъ... Какъ коршуны, напали измѣнники на нихъ, и началась страшная рѣзня... Я развязалъ арканъ, которымъ былъ привязанъ къ дикому камню и, забывъ нестерпимую боль въ ногахъ, бросился въ середину битвы, ища отца. Израненный онъ умиралъ въ тальниковыхъ кустахъ, призывая на измѣнниковъ кару Аллаха. Я упалъ ему на грудь и руками старался задержать кровь, клю-

чемъ бьющую изъ ранъ. Славный Исентай, агидъ рода тлявскаго, узналъ своего сына Нурджана и тотчасъ же воззвалъ къ Аллаху и Пророку его, который и избралъ меня мстителемъ за смерть отца, матери, братьевъ и всего рода тлявцевъ, въ одну ночь погубленнаго твоимъ подлымъ дѣдомъ. Теперь новый злодѣй, шакалъ Кенисара, сгубилъ мой родъ, и жажда мщенія жжетъ мою грудь...

— Ты тлявскаго рода?—воскликнулъ ошеломленный Али.

— А, ты думалъ, я назаровецъ? Ха-ха-ха!...

Какъ кошка, скользнулъ Нурджанъ изъ кибитки и скрылся въ темнотѣ.

Али ринулся вслѣдъ, всполошилъ весь лагерь, но напрасно — Нурджанъ исчезъ.

IV.

На утро былъ объявленъ походъ на Кара-су.

Къ вечеру отряды были вблизи долины. Составили военный совѣтъ и рѣшили напасть съ двухъ сторонъ, чтобы замкнуть каракипчаковъ въ ихъ кочевья и не дать вырваться «ни одному псу».

Тихо пробирались отряды въ обходъ долины и немало дивились безпечности врага — ни сторожевой цѣпи, ни обычнаго джигита-часового.

Полная тишина.

«Спать собаки»,—думалъ про себя каждый.

Но вотъ долина, и попрежнему ни звука. Нѣсколько джигитовъ выскочили на вершину, быстро окинули взоромъ ущелье и увидали, что оно пусто. Съ противоположнаго конца подходилъ другой отрядъ. Свѣже притоптанная трава, обглоданныя кости, разноцвѣтныя тряпки, куски шерсти—все это показывало, что ущелье покинуто недавно. Рѣшено разбить лагерь, а на развѣдки послать нѣсколько джигитовъ.

Быстро спустилась ночь. Долина Кара-су, окутанная легкимъ туманомъ, представляла собою довольно красивую картину: въ глубинѣ и по склонамъ пылали костры, надъ которыми висѣли громадные котлы съ мясомъ, а вокругъ живописными группами расположились джигиты, слушая домбру и напѣвы. Длинные чудовищныя тѣни колыхались и дрожали по ковыльнымъ склонамъ. Сбатованные кони тихо фыркали, жадно срывая траву. Въ сторожевой цѣпи слышалась едва уловимая перекличка. Небо заволокло облаками, и туманъ спустился на ущельемъ.

Конченъ ужинъ. Погасли костры. Лагерь уснулъ. Табунщики-джигиты, расположились подъ развѣсистымъ карагачемъ, держали въ поводу своихъ осѣдланныхъ лошадей и вели тихую бесѣду,

чтобы превозмочь одолѣвшую дремоту, при чемъ время отъ времени зорко всматривались въ темноту ночи.

Ничего подозрительнаго... Казалось, степь спала непробуднымъ сномъ.

Но эта тишина была зловѣщая...

По склону, по направленію къ табунщикамъ, ползла цѣлая цѣпь полунагихъ кипчаковъ. У каждаго изъ нихъ въ зубахъ торчитъ ножъ, а въ правой рукѣ ятаганъ. Глаза ихъ сверкали зловѣщимъ фосфорическимъ блескомъ, какъ у шакаловъ... Беззвучно подвигалась эта цѣпь, и только изрѣдка слышались гортанные звуки: «ур...ур...ур...». Когда они были въ нѣсколькихъ шагахъ отъ табунщиковъ, ползшій впереди кипчакъ-агидъ издалъ условный сигналъ, и въ одинъ мигъ табунщики были окружены и перебиты... Ни крика, ни лязга ножей и ятагановъ... Табунъ и напавшіе скоро исчезли въ темнотѣ ночи...

Вдругъ воздухъ прорѣзалъ протяжный вой шакала....

А тамъ снова мертвая тишина...

Лишь только этотъ вой проникъ въ ущелье Акъ-Кудукъ, сливавшееся съ долиной Кара-су, какъ въ немъ замелькали тѣни, сбѣгавшія по склону... То былъ условный знакъ для нападенія.

Не слышно, но быстро подвигался пѣшій отрядъ кипчаковъ... Грозной лавой двигались эти фигуры въ однѣхъ рубахахъ, съ высоко засученными шальварами... Зловѣще раздавалось въ ихъ рядахъ «ур... ур... ур...». При входѣ въ долину Кара-су, всѣ кипчаки распластались по землѣ и, точно одна огромная змѣя, цѣпью стали спускаться къ спящему лагерю... На мгновеніе въ сторожевой цѣпи что-то лязгнуло: то два джигита пали мертвыми отъ коварной руки кипчаковъ. Впереди ползъ агидъ кипчаковъ, славный батыръ Исетъ, а рядомъ съ нимъ Нурджанъ... Вотъ они въ срединѣ лагеря... Послышались болѣе громкіе звуки «ур... ур... ур...», и кипчаки рассыпались по лагерю. Мгновеніе слышались только тихіе стоны убиваемыхъ.

Крикъ ужаса пронесся по долинѣ, и она наполнилась адскимъ гуломъ, въ которомъ слышались крики сражающихся, лязгъ ножей, ятагановъ. Маметъ собралъ вокругъ себя кучку джигитовъ и поспѣшно сталъ отступать къ вершинѣ, гдѣ были сбатованы лошади. Исетъ грозно наѣдалъ на него, и съ каждой минутой отрядъ Мамета рѣдѣлъ. Послышался топотъ: то новая засада ударила въ тылъ Мамету, и онъ былъ моментально смятъ. Паль храбрый сподвижникъ Кенисары, правая рука батыря...

Нурджанъ искалъ Али, но тотъ успѣлъ собрать вокругъ себя небольшой отрядъ и храбро отбивался отъ кипчаковъ, подаваясь къ устью долины, гдѣ была часть лошадей и верблюдовъ. Нурджанъ поспѣшилъ въ обходъ. Али уже у цѣли, бросается къ первой же лошади, вскакиваетъ и обращается въ бѣгство. Нурджанъ завылъ

отъ безсилія—ускользалъ врагъ, отомстить которому была его заветная мечта, отомстить такъ, чтобы муки причинили страданія на много лѣтъ, и чтобы отъ ужаса ихъ содрогнулся весь проклятый родъ Гуссейна. Онъ зычно крикнулъ: «атъ!» (лошадь) и бросился бѣжать за бѣглецомъ. Крикъ Нурджана былъ услышанъ, и черезъ пять минутъ онъ уже летѣлъ на скакунѣ за Али. Это была бѣшеная скачка... Скоро, однако, лошадь подъ Али стала уставать и отъ ударовъ нагайкой уже не летѣла стрѣлой... Кровавая плѣна клубами падала на грудь, сбѣгала по ногамъ... Бока, точно кузнечные мѣхи, со свистомъ раздувались... Нурджанъ насѣдалъ... Впереди оврагъ. Али подобралъ поводья, ударилъ нагайкой по лошади, но силы измѣнили, и они скрылись въ темной пропасти... Нурджанъ едва сдержалъ своего скакуна, слѣзъ съ сѣдла и спустился по обрыву на дно оврага.

Тамъ, около ручья, безпомощно стоналъ Али.

— Попалась собака, поганое отродье измѣнника Гуссейна... злобно ворчалъ Нурджанъ, связывая руки Али, который лежалъ безъ движенія.

Черезъ полчаса Нурджанъ скакалъ обратно въ Кара-су, привязавъ къ крупу лошади Али.

V.

Въ лагерѣ Кенисары ужасъ и смятеніе—только что доставленъ умирающій Али съ отрѣзанными ушами, носомъ и губами. Изуродованный джигитъ былъ привязанъ къ сѣдлу, и за поясомъ у него найдено письмо къ Кенисарѣ: «Не батырь ты, не ханъ, а кровожадный шакалъ... Всѣ мы, славные роды каменныхъ кипчаковъ, отъ старика и до грудного младенца, поклялись Небомъ и Аллахомъ отомстить тебѣ, варвару, за твои жестокости. Прими достойно посланца и помни, что та же участь ждетъ тебя, кровожаднаго шакала, и твоего поганого брата Наурузбайку»...

Кенисара пришелъ въ бѣшенство и ударомъ ятагана разрубилъ черепъ киргизу, подавшему ему это письмо, а потомъ тотчасъ приказалъ развести костры, поставить на нихъ котлы, и когда закипѣла вода, плѣнные каменные киргизы, съ ихъ семействами, приводились къ кострамъ, со связанными руками, и на ихъ глазахъ жены и дѣти бросались «теленгутами» (гвардія) въ кипящіе котлы и варились тамъ; а плѣнные мужчины были поставлены въ шеренги и умерли подъ жестокими пытками... Пали подъ ударами ятагановъ и всѣ приближенные, которые заподозрѣны въ измѣнѣ¹⁾.

Долго лилась безвинная кровь, пока гнѣвъ хана Кенисары не утихъ. Приказано идти немедленно въ горы и уничтожить каменныхъ киргизовъ до послѣдняго младенца.

¹⁾ Историческій фактъ.

«истор. вѣстн.», августъ, 1904 г., т. хсѣп.

Три тысячи лучшихъ джигитовъ, предводительствуемые Кенисарой и братомъ его Наурузбаемъ, двинулись въ горы, горя мщеніемъ... Акынъ (пѣвецъ) Насымбай тутъ же слагалъ свой звучный стихъ про походъ на «поганныхъ измѣнниковъ», и стройная домбра вѣдала степи вдохновеніе поэта-киргиза...

«О ты, батырь Кенисара,
«Надежда и мечта казаковъ...
«Скоро степь нашихъ предковъ-дѣдовъ
«Познаетъ свободу и вольную жизнь...
«Привѣтствуй, ковыль пушистый,
«Громко воспѣвайте въ выси голубой,
«Турган¹⁾, про славу Кенисары»...

VI.

Полулежа на гладкомъ камнѣ, о который бѣшено била пѣнистая волна Джиланчика, Нурджанъ прислушивался къ немолчному реву рѣки, время отъ времени оглядываясь на крутой, поросшій тальникомъ берегъ. Онъ видимо ждалъ кого-то.

Ночь окутывала узкое ущелье, и только темножелтая полоса воды смягчала немного мрачный колоритъ, а брызги пѣнящихся волнъ туманными точками прорѣзывали мракъ, да изрѣдка выглянетъ изъ разорвавшихся свинцовыхъ тучъ яркая звѣзда и спрячется тотчасъ, точно испугавшись своего одиночества среди непроглядного мрака.

На противоположномъ берегу, уступами спускающемся къ рѣкѣ, послышался шумъ отъ паденія камней. Нурджанъ быстро поднялся и, наклонивъ слегка корпусъ впередъ, напряженно прислушался. Его ухо уловило всплескъ воды отъ паденія какого-то тѣла, а вскорѣ глазъ различалъ надъ темно-желтой водной поверхностью черный предметъ, который быстро спускался внизъ по теченію, то скрываясь въ волнахъ, то взбираясь на ихъ гребни. Нурджанъ тихо свистнулъ. Ему отвѣтили съ плывущаго предмета, который волны прибили къ берегу, немного ниже камня, гдѣ былъ Нурджанъ.

— Ты, Абдулъ?

— Алла!—отвѣтилъ подошедшій, стряхивая съ халата брызги воды и снимая мокрые чувяки.

— Привязалъ ли ты свой бурдюкъ? Прибой волнъ сильный, какъ бы не унесю его?—спросилъ Нурджанъ.

— Идемъ къ нему. Я тамъ въ тальникѣ высушу свои чувяки и поговоримъ о дѣлѣ. Алла!—отвѣтилъ Абдулъ.

¹⁾ Жаворонки.

Они подошли къ громадному, наполненному воздухомъ бурдюку, качавшемуся на пѣнистыхъ волнахъ, вытащили на берегъ и скрылись въ густомъ тальникѣ.

— Ты говоришь, Абдуль, что твой аулъ согласенъ помочь намъ въ битвѣ?—спросилъ Нурджанъ сидѣвшаго около тлѣющаго костра Абдула.

— Алла! Абдуль сказалъ это.

Нурджанъ задумался... Его пронизательные глаза горѣли какимъ-то—то загадочнымъ блескомъ.

— Слушай, Абдуль...—проговорилъ Нурджанъ:—родъ Дулата отдался Кенисарѣ, лишь только по степи пронесся о немъ слухъ; вашъ родъ дѣлалъ набѣги на мирные аулы, вы грабили наши роды... Что же теперь вы задумали измѣнить?

— Нашъ родъ славнаго Дулата вышелъ изъ одного корня съ кипчаками, мы вмѣстѣ несли рабство и горе отъ притѣснителей, дѣлили славу батырства... Злой Абу-Ниранъ затмилъ наши глаза и послалъ на насъ шакала Кенисару, лъстивыя рѣчи околдовали насъ, и мы стали биться въ его рядахъ... Но теперь, когда онъ, проклятый, такъ звѣрски губить близкій Дулату родъ, глаза наши открылись, и мы рѣшили мстить... Клянусь великимъ Аллахомъ, что я говорю правду.

Торжественно закончилъ Абдуль и вынулъ изъ ноженъ свой ятаганъ.

— Алла...—произнесъ Нурджанъ, и они ударили ятаганами въ знакъ клятвы...

— Кенисара идетъ къ ущелью Кара-сай, гдѣ оставитъ въ вершинѣ Наурузбая съ тысячею джигитами, а самъ ударитъ на аулы Акъ-Кудукъ. Я съ своими джигитами буду въ отрядѣ Кенисары. Въ разгаръ боя я ударю на него съ тыла, а ты отряди часть своихъ джигитовъ въ обходъ Наурузбаю. Такъ ли я говорю?

— Такъ. Къ ночи отрядъ будетъ въ тылу Наурузбая. А теперь прощай! Да поможетъ намъ Аллахъ убить шакала Кенисару.

Заговорщики разошлись. Нурджанъ незамѣтно исчезъ въ заросляхъ, а Абдуль спустился къ рѣкѣ и отвязалъ свой бурдюкъ. Никто изъ нихъ не замѣтилъ, какъ по берегу скользнула тѣнь, какъ тихо зашевелились вѣтви ивняка. Только рѣзкій крикъ луны прорѣзалъ ночную тишину и замеръ въ вершинахъ зубчатыхъ горъ. Нурджанъ замеръ на мѣстѣ. Но это продолжалось мгновенье. Быстрѣе барса онъ бросился на крикъ и безшумно подкрался къ шпіону, готовившемуся издать новый крикъ.

— Шайтанъ!—прошипѣлъ Нурджанъ и съ силой ударилъ его пожемъ въ спину.

Точно ковыль подъ серпомъ, повалился киргизъ, издавая стонъ, а Нурджанъ снова ужомъ ползъ въ густыхъ заросляхъ, время отъ времени вслушиваясь въ ночную тишину.

VII.

Вѣтеръ отъ Аралья нагналъ сѣро-черныя тучи, которыя окутывали вершины Ала-тау. Вихремъ онъ проносился въ ущельяхъ, сердито вздымая горныя рѣчки... Непроглядная ночь царилъ повсюду. Среди воя вѣтра, грознаго шума горныхъ потоковъ чуткое ухо улавливало шумъ топота, лязгъ пикъ и ятагановъ: то отрядъ Кенисары подвигался къ ауламъ Акъ-Кудукъ. Длинной цѣпью растяннулись джигиты, лавируя на своихъ аргамакахъ между грудями камней, осторожно переѣзжая бурливый потокъ. Лошади, вытянувъ шеи, осторожно ступали по каменистому грунту, боязливо пофыркивая на кручахъ.

Кенисара ѣхалъ впереди. Его голова низко была опущена на грудь, руки безсильно опустились на луку сѣдла. Орлиный взоръ батыря безцѣльно былъ устремленъ впередъ, ничего не различая въ непроглядной темнотѣ. Невеселыя думы обуревали мятежную голову батыря, назойливая мысль, что онъ погибнетъ, не закончивши своего дѣла, больно сверлила его мозгъ... Помимо воли, вереницей проносились воспоминанія о дѣтствѣ, когда въ немъ зародилась мысль свергнуть цѣпи рабства, и еще тогда онъ клялся Небу отдать себя на батырство... Вотъ онъ уже скоро и старикъ, а что сдѣлалъ? Близко ли осуществленіе завѣтной мечты? Онъ поднялъ степь, но все же ему приходится бороться со своими же племенами, а не съ сильными урусами. Да и мыслимо ли начать борьбу, когда изъ-за каждаго куста грозитъ пуля измѣнника... Поневолѣ станешь жестокимъ, мстительнымъ...

Аргамакъ Кенисары шарахнулся въ сторону и громко фыркнулъ. Мгновенно Кенисара натянулъ поводъ и инстинктивно пригнулся къ луку... Раздался залпъ...

Въ отрядѣ Кенисары произошло смятеніе, но батырь зычнымъ голосомъ скомандовалъ атаку, и засада была отбита. Но это только передовая была засада — впереди уже чернѣлъ вражескій отрядъ...

Грудь съ грудью ударились враги...

Лязгъ ятагановъ, ножей, свистъ дротиковъ, нагаекъ съ свинцовыми слитками, крики, стоны, зловѣщее «ур...ур...» — все это слилось со свистомъ вихря въ одинъ адскій гулъ... Джигиты схватились вплотную, ожесточенно нанося другъ другу смертельные удары, грызя зубами... Кенисара разилъ направо и налево, прочищая себѣ путь къ долину, но каменные киргизы насѣдали все сильнѣе и сильнѣе... Вотъ онъ, поражая ятаганомъ джигита-врага, отдаетъ приказаніе одному изъ своей свиты мчаться за Наурузбаемъ. Но тутъ произошло смятеніе. Раздался леденящій душу крикъ: «измѣна»... Абдулъ сдержалъ слово...

Кольцомъ охваченъ отрядъ Кенисары.

Понялъ батырь, что не пробиться ему, и скользнулъ незамѣтно за уступъ. Но зоркій глазъ Нурджана давно слѣдилъ за нимъ, и въ тотъ моментъ, когда Кенисара готовъ былъ повернуть аргамака, сильный ударъ пики высадилъ его изъ сѣдла, а ударъ ятагана докончилъ дѣло...

Не видя своего батыря, отрядъ былъ охваченъ паникой, и джигиты, дравшіеся за минуту предъ этимъ, какъ львы, побѣжали трусами; но пощады имъ не было—жестоко мстили каменные киргизы за свои сожженные аулы, за своихъ варварски замученныхъ женъ, дѣтей, отцовъ...

VIII.

Долина Терекли, зеленою лентой развернувшаяся среди сѣрыхъ горныхъ кражей, полна жизни. Всюду пестрѣютъ кибитки, слышно ржаніе аргамаковъ, веселый шумъ пиршества, прорѣзываемый звучными аккордами домбры.

Посрединѣ долины поставлена богато убранная коврами и вышитыми кошмами кибитка агида. Къ тундуку ея прикрѣпленъ высокій тонкій шестъ, на свободномъ концѣ котораго торчала голова батыря Кенисары... Джигиты, гарцуя на своихъ быстроногихъ аргамакахъ, на скаку ударяли нагайками по шесту и плевали по направлению головы, при чемъ каждый разъ слышался злобный смѣхъ толпы.

Это дикокаменные киргизы мстили Кенисарѣ за свои разоренные аулы, убитыхъ сородичей. Въ теченіе мѣсяца голова Кенисары возилась по ауламъ и отдавалась на поруганіе толпы... ¹⁾

Такъ погибъ Кенисара, этотъ батырь, сильно безпокоившій русское правительство, надежда кочевниковъ, мечтавшихъ о политической свободѣ... Погибъ отъ мстительной руки своихъ же единовѣрцевъ.

Въ ущельѣ Кашгаръ виднѣлся десятокъ сбатованныхъ лошадей, скучившихся у ручья Акъ-су. Когда-то здѣсь слышался веселый говоръ джигитовъ, поклявшихся Кенисарѣ батырствомъ, раздавались веселые напѣвы пѣвца Насымбая, приветствовавшаго «восходящую надъ степью звѣзду свободы»... Теперь тишина... Вечерній сумракъ сгущался. Легкій бѣлосоватый туманъ спускался на дно ущелья и прозрачный дымкой уходилъ внизъ по склону...

Подъ тѣнистымъ карагачемъ видна кучка киргизовъ. На ихъ лицахъ отразилась глубокая скорбь, отъ которой фигура каждого киргиза казалась придавленной, безпомощной и жалкой.

¹⁾ Впослѣдствіи голова Кенисары попала въ руки одного русскаго вельможи, если не ошибаюсь, Воронцова.

Это остатки сильного отряда Кенисары Касимова... Тутъ и пѣвецъ-поэтъ Насымбай, сражавшійся рядомъ съ батыремъ; на глазахъ его упалъ Кенисара, сраженный коварною рукой Нурджана.

Тишина. Слышно, какъ ручей сбѣгаетъ по каменистому руслу, гармонично журча среди зеленого высокаго ковыля, поросшаго по берегамъ...

Вдругъ тишина ущелья прорѣзывается стройнымъ аккордомъ домбры, а вслѣдъ раздалось высокое грудное «Э...э... Алла»... Полилась грустная, въ душу проникающая, надгробная пѣснь Насымбая, тутъ же имъ сложенная...

Плачь горькими слезами, степь родная!
Понижни гордой головою, высокій ковыль!
Посѣтила насъ, казаковъ, кручинушка злая,
Въ сердце когтями впиалась ужасная боль...

Погибъ нашъ агидъ и батырь могучій,
Рукою коварной въ засадѣ сраженный...
Погибъ Кенисара—точно боръ дремучій,
Злымъ пожаромъ нещадно спаленный...

Меркните, звѣзды небесныя!
Камни, рыдайте! Потухни, заря!
Рухните, гордыя скалы отвѣсныя!
Смолкни веселая пѣсня ручья!

Нѣтъ Кенисары, посланника неба,—
Мертвый онъ... Теперь поруганье
Надъ трупомъ свершаютъ асхеды,
Кипчаки проклятые, ада посланье...

Стихни, вѣтеръ свободный!
Свои пѣсни забудьте, акыны...
Слышится плачь лишь нагробный:
Степь потеряла лучшаго сына...

.....

Долго еще лилась пѣсня-импровизація, полная мучительныхъ аккордовъ, далеко-далеко несясь по ущелью, а тамъ, вырвавшись на свободу, аккорды льются по широкой ковыльной степи, всюду разнося скорбную вѣсть о смерти батыря Кенисары... И внимало рыдающему аккорду все окружающее... По смуглымъ лицамъ слушателей струились обильныя слезы, а порой вырывался стонъ... Казалось, что вся природа рыдала вмѣстѣ съ этой безутѣшною пѣснью...

А высокое, голубое, звѣздное небо попрежнему оставалось равнодушнымъ, безстрастно обливая своей лучистостью ущелья, играя звѣздами въ чистой водѣ журчащаго ручья...

Я. Полферовъ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

МАЙ, 1905 Г.

«ПРЕДАТЕЛЬ».

Изъ временъ графа Перовскаго ¹⁾.

I.

ГЕНЕРАЛЪ Перовскій только что вернулся изъ Башкири, гдѣ онъ любилъ отдыхать отъ своихъ дѣлъ по управленію обширнымъ Оренбургскимъ краемъ. Настроеніе въ то время, въ 30-хъ годахъ, было крайне тревожное—Хива и Бухара держали себя крайне вызывающе по отношенію къ Россіи, подбивали мирныхъ киргизовъ къ возстанію противъ «гяуровъ». И не проходило дня, чтобы не получалось извѣстія о нападеніи мятежныхъ шаекъ на русскія поселенія или торговые караваны.

Вошелъ лакей и подалъ письмо. Перовскій прочелъ и нервно зашагалъ по кабинету, устланному дорогими коврами. Черезъ полчаса онъ позвонилъ и приказалъ позвать дежурнаго адъютанта, а самъ еще разъ перечелъ письмо, бережно сложилъ и сталъ смотрѣть въ окно на Зауралье.

Ординарецъ доложилъ о приходѣ адъютанта.

— Прости. Черезъ часъ ты отправишься нарочнымъ въ Орскъ. Вошелъ адъютантъ.

¹⁾ Въ августѣ этого года умеръ въ своемъ уфимскомъ имѣніи одинъ изъ моихъ родственниковъ, полковникъ артиллеріи, Петръ Ивановичъ Сунгуровъ. Зная, что у покойнаго имѣется богатый матеріалъ о Зауральской степи, я просилъ прислать мнѣ его бумаги, что и выполнено родственниками, тѣмъ болѣе, что П. И. еще при жизни выслалъ мнѣ часть набросковъ, какъ своихъ, такъ и извѣстнаго знатока степи, губернатора Гейнса. Матеріалъ П. И. Сунгурова представлялъ для меня высокую цѣнность, такъ какъ едва ли кто, кромѣ него, такъ интересовался жизнью Оренбургскаго края и Зауральской степи. Онъ всю свою 35-ти-лѣтнюю службу провелъ на этой окраинѣ и, обладая чуткой

— У насъ, въ Орскѣ, въ крѣпостномъ батальонѣ находится полкъ Виткевичъ. Я сейчасъ получилъ отъ ученаго Гумбольдта письмо¹⁾, гдѣ онъ ходатайствуетъ о смягченіи участи этого молодого образованнаго человѣка. Я вѣрю почтенному Гумбольдту. Прикажете немедленно представить мнѣ рядового Виткевича. Черезъ 4 дня надѣюсь его видѣть здѣсь.

II.

Утро 20-го мая 1834 года. Ревъ верблюдовъ, навьючиваемыхъ послѣ ночного отдыха, безконечное блеяніе огромныхъ стадъ овецъ, гортанный говоръ киргизъ — все это сливается въ одинъ общій гулъ, тонетъ въ густой, ѣдкой солончаковой пыли, окутывающей окрестности Орска. На холмѣ сѣрымъ пятномъ вырисовывается крѣпость, а кругомъ безбрежнымъ океаномъ уходитъ утомительная своею монотонностью киргизская степь. Въ такіе моменты прихода каравановъ и стадъ скота шумъ и говоръ звучатъ какимъ-то диссонансомъ — такъ ухо отвыкло отъ всего, что нарушаетъ дрему и тишину степи. Мертво въ степи, мертво въ низенькихъ домикахъ обывателей, мертво на улицахъ... Только въ крѣпости изрѣдка прозвучитъ труба, а иногда раздастся заунывная пѣсня солдата, но это случается рѣдко: мертвая степь давитъ на грудь, и пѣсня замираетъ.

Ежедневно у подножія холма, на выбитомъ пыльномъ плацу группа людей, одѣтыхъ въ рубахи, или мундиры-фраки, или въ шинели, смотря по сезону, въ продолженіе 4—5 часовъ усердно маршируетъ, поднимая клубы пыли. Это происходитъ ученіе гарнизона крѣпости.

День 20-го мая выдался жаркій. Пыль лѣзла въ ротъ, носъ, ѣла глаза, забиралась черезъ воротъ рубашки на потное тѣло и

душой, колоссальной наблюдательностью, будучи всесторонне образованъ, не прошелъ мимо какого либо историческаго факта, не оставилъ безъ отмѣтки въ своихъ запискахъ ни одного серьезнаго момента. До сихъ поръ среди киргизовъ (П. И. служилъ болѣе 10-ти лѣтъ уѣзднымъ начальникомъ въ Тургайской области) сохранилась память о «жаксы-уѣздъ Сунгуръ», ему посвящено нѣсколько одъ мѣстныхъ поэтовъ.

Во время своей службы въ Оренбургѣ и Орскѣ П. И. собиралъ данныя о пребываніи въ этихъ городахъ опальныхъ поэтовъ: Т. Г. Шевченка, Плещеева, а также и о жизни нѣкоторыхъ ссыльныхъ поляковъ, среди которыхъ имя Виткевича окружено крайне загадочнымъ ореоломъ.

Я. П.

¹⁾ Въ запискахъ полковника П. И. Сунгурова, откуда заимствованъ данный историческій фактъ, сказано, что Гумбольдтъ лично навѣститъ, при своемъ возвращеніи изъ Сибири, Перовскаго, но историческія даты не подтверждаютъ этого: Гумбольдтъ былъ въ Оренбургѣ въ 1829 г., а Перовскій вступилъ въ управленіе краемъ въ 1833 г. О перепискѣ Перовскаго съ Гумбольдтомъ упоминается въ запискахъ Гейнса.

Я. П.

густымъ слоемъ осѣдала тамъ. Солдаты изнемогаютъ отъ жары. Сѣдой поручикъ Сеньковъ¹⁾, вышедшій изъ рядовыхъ, свирѣпо посматривалъ на своихъ учениковъ и искалъ новаго случая «свернуть салазки», какъ онъ выражался про свой излюбленный методъ обученія солдатъ.

— Эй, ты, госпожа Польша, мечтаешь?.. Про родную сторонку изволили вспомнить... Слышь, какой артикулъ я приказалъ!..

Этотъ грубый окрикъ былъ адресованъ молодому солдату, очень стройному, съ тонкими чертами лица, не измѣненными ни сильнымъ загаромъ, ни толстымъ слоемъ пыли. Онъ машинально слушалъ команду, машинально продѣлывалъ все то, что дѣлалъ его сосѣдъ по фронту. Въ сѣрыхъ глазахъ отражалось тяжкое горе, и невольно всѣ солдаты старались выразить ему свое сочувствіе, чѣмъ еще больше бередили раны товарища.

Это былъ Виткевичъ, сосланный за участіе въ польскомъ возстаніи 1831 года.

Еще недавно въ аристократическихъ салонахъ Варшавы появлялась стройная фигура молодого офицера Виткевича. Онъ всѣхъ очаровывалъ своимъ остроуміемъ и изящными манерами. Ему пророчили блестящую карьеру и счастливую жизнь съ графиней Потockой, съ которой онъ былъ помолвленъ незадолго до мятежа. И вотъ, точно въ сказкѣ, онъ, блестящій офицеръ, уже третій годъ въ грязной солдатской рубахѣ, въ тяжелыхъ сапогахъ маршируетъ по пыльному плацу далекой степи, выслушивая грубые окрики поручика. Хорошо еще, что въ отношеніи его положенъ извѣстный предѣлъ въ оскорбленіи: «словесно, кромѣ матерныхъ словъ, можешь журить, но лица касаться не смѣй»,—гласилъ приказъ коменданта крѣпости.

Какъ нарочно, въ этотъ день Виткевичу было особенно тяжело. Думы одна другой безотраднѣе мучили его, сердца тоскливо сжималось, и онъ положительно отказывался понимать команду поручика.

— Эхъ... такъ бы и свернулъ салазки этому полячишкѣ,—не разъ злобно ворчалъ поручикъ, видя, какъ Виткевичъ путалъ команду и «портилъ фронтъ».

Со стороны крѣпости показался солдатъ, который бѣжалъ, «что есть духу», какъ приказывалъ всегда комендантъ, посылая куда либо.

— Ваше благородіе,—прерывающимся голосомъ заговорилъ запыхавшійся солдатъ, останавливаясь предъ поручикомъ, — такъ

¹⁾ Подъ команду (или, какъ тогда выражались, «на выучку») Сенькова попалъ и Т. Г. Шевченко, къ счастью, не падолго. Опальный поэтъ считаетъ эти дни самыми «смурными» въ своей ссылкѣ. Я. П.

что значить его высокородіе васъ требуютъ и поляка Виткевича... Изъ Оренбурга нарочный прїѣхалъ.

Передавъ команду фельдфебелю, поручикъ проворчалъ: «Чортъ знаетъ, что за служба, отрываютъ безъ толку, дѣлать имъ нечего... А зачѣмъ имъ этотъ полячишка?»... Потомъ громко крикнулъ:

— Виткевичъ, ишелъ къ коменданту!

Въ комнатѣ коменданта стоялъ ординарецъ графа Перовскаго, а самъ комендантъ что-то озабоченно писалъ. Когда вошелъ поручикъ, въ сопровожденіи Виткевича, комендантъ вскинулъ на нихъ глазами и, продолжая писать, отрывисто приказалъ:

— Поручикъ Сеньковъ, немедленно снарядить рядового Виткевича въ Оренбургъ... Требуется его высокопревосходительство... Виткевичъ, черезъ полчаса будь готовъ въ дорогу... Ступай...

III.

Наступило лѣто 1835 года. Генералъ Перовскій вернулся изъ Петербурга и на другой день о чемъ-то совѣщался со своими приближенными по управленію краемъ. Карты, планы, бумаги, книги грудями разбросаны на столахъ и диванахъ кабинета. Провожая гостей, графъ задумчиво переспросилъ:

— Такъ вы, господа, полагаете, что Виткевичъ можетъ выполнить?

— Это—единственный человѣкъ, ваше превосходительство, которому можно поручить такое дѣло...

Въ ту же ночь въ кабинетѣ губернатора сидѣлъ Виткевичъ, теперь уже офицеръ, и внимательно слушалъ послѣдняго. Перовскій развивалъ планъ завоеванія Хивы и Бухары, такъ какъ при независимости этихъ государствъ нельзя было и думать объ окончательномъ покореніи Киргизской орды и вообще о мирномъ процвѣтаніи Оренбургскаго края.

— Но прежде чѣмъ начать походъ,—груднымъ голосомъ говорилъ онъ, устремивъ взоръ на карту Средней Азіи,—намъ нужно знать этотъ край, куда мы думаемъ двинуть свои войска. До сихъ поръ Хива и Бухара для насъ—загадочныя страны, мы не знаемъ ихъ боевыхъ силъ, самой мѣстности, не знаемъ отношеній къ нимъ Афганистана и Персіи. Безъ этого начинать походъ государь считаетъ безуміемъ. Намъ нужны эти свѣдѣнія, и только вы можете доставить ихъ. Ваше знаніе восточныхъ языковъ, вашъ умъ и ваши военныя познанія говорятъ за то, что мой выборъ палъ на васъ не зря, и я увѣренъ, что вы оправдаете довѣріе государя.

Виткевичъ молчалъ. Предложеніе было неожиданное. Однако, врожденная страсть къ опаснымъ приключеніямъ и жажда новыхъ

впечатлѣннѣе быстро одолѣли смущеніе, исчезла нерѣшительность, и Виткевичъ твердо произнесъ:

— Постараюсь оправдать высокое довѣріе вашего превосходительства и государя. Когда прикажете выѣхать?

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше... Благодарю васъ, Виткевичъ...

IV.

— Хусейнъ, ты готовъ?

— Готовъ.

— Подпруги хорошо подтянулъ? А пистолеты захватилъ?

— Все готово.

— Ну, съ Богомъ...

Виткевичъ, одѣтый хивинцемъ, ловко вскочилъ на породистаго туркменскаго жеребца, слегка натянулъ поводья, поправилъ заткнутый за бухарскій кушакъ пистолетъ и прищипорилъ скакуна. Персъ Хусейнъ-Али, исполняющій у Виткевича роль ординарца, неизмѣннаго его товарища въ скитаніяхъ по степи, быстро вспрыгнулъ на красиваго иноходца и карьеромъ понесся вслѣдъ.

Ночь. Кругомъ разстилалась безпредѣльная ковыльная степь. Луна мелкимъ синеватымъ свѣтомъ заливала равнину, придавая ей таинственный видъ... То вдругъ казалось, что впереди обрисовываются небольшія купы деревьевъ, то какъ будто пробѣгала громадная тѣнь, то ровно блестѣли серебряныя ленты рѣки, а въ сторонѣ, въ камышевыхъ заросляхъ чудился невнятный шопотъ... Тишина... Ни звука... Покоемъ и нѣгой дышитъ степь, точно наслаждаясь прохладой послѣ долгаго жаркаго дня... Какъ будто все замерло и прислушивается къ какимъ-то таинственнымъ звукамъ...

Всадники держались на созвѣздіи Малой Медвѣдицы и все время молча скакали. Виткевичъ низко припалъ къ луку, зорко присматриваясь вдаль и ласково трепля туркмена по взмыленной шеѣ. Прошло часа три. Потянуло свѣжей струйкой воздуха, и скоро блеснула полоса воды.

— Хусейнъ, рѣка Турчукъ?

— Турчукъ.

Предъ ними развернулась долина Кабулистана.

Удачно исполнивъ порученіе относительно Хивы и Бухары, Виткевичъ пробирался теперь въ Афганистанъ, подъ видомъ купца. Много разъ онъ и Хусейнъ рисковали быть ограбленными и убитыми въ Зыбучихъ Пескахъ Усть-Урта, въ аулахъ Хивинской степи, не разъ подвергались опасности быть пойманными во время съемокъ мѣстностей и наблюденій за жизнью туземцевъ, выясненія числа войскъ и другихъ важныхъ свѣдѣній. Но всегда выручала ихъ находчивость Виткевича и его прекрасное значеніе туземныхъ

нарѣчій, въ связи съ щедрыми подачками. Теперь имъ предстояла не менѣ трудная задача—войти въ довѣріе къ властителю Кабула, Доссъ-Магомету, и проникнуть въ Персію, чтобы узнать планы этихъ государствъ, въ случаѣ похода Россіи въ Хиву.

Въ теченіе мѣсяца па улицахъ и въ чай-хане Кабула можно было встрѣтить молодого хивинскаго купца Ибрагимъ-Бей, пріѣхавшаго по торговымъ дѣламъ. Часто свой разговоръ онъ сводилъ на политику, при чемъ являлся горячимъ сторонникомъ союза Хивы съ Афганистаномъ и не разъ всенародно заявлялъ о скорѣйшей необходимости дать «проклятымъ гяурамъ» достойный отпоръ. «Поработятъ всѣхъ насъ, какъ поработили Орду, и станутъ опасными сосѣдями Кабулу».

На него обратили вниманіе, и одинъ изъ фаворитовъ Доссъ-Магомета заинтересовался богатымъ хивинцемъ, его намѣреніями завязать тѣсныя торговыя сношенія съ Кабуломъ, а когда получилъ въ подарокъ дорогой рубинъ, то приблизилъ его къ себѣ, представилъ Доссъ-Магомету, и скоро всѣ придворныя политическія тайны стали извѣстны Ибрагиму.

Какъ неожиданно Ибрагимъ-Бей явился въ Кабулѣ, такъ же внезапно исчезъ изъ него и пропалъ безслѣдно. Передавали, что видѣли его съ караваномъ, направлявшимся въ предѣлы Персіи, но на это мало обратили вниманія и скоро въ Кабулѣ забыли про молодого хивинца.

А хивинецъ Ибрагимъ, онъ же поручикъ Виткевичъ, въ это время странствовалъ по Персіи ¹⁾.

V.

Зимой 1836 года Виткевичъ вернулся изъ своихъ опасныхъ странствованій и блестяще выполнилъ «секретное порученіе». В. А. Перовскій былъ въ восторгѣ и общалъ ему флигель-адъютантскій эксельбантъ, за которымъ и командировалъ его самого. Онъ пожелалъ, чтобы Виткевичъ лично представилъ государю отчетъ о своемъ путешествіи и наглядно бы убѣдилъ въ необходимости похода на Хиву.

Въ С.-Петербургѣ Виткевичъ остановился въ одной изъ перво-классныхъ гостиницъ и усердно принялся за систематизацію своихъ свѣдѣній и плановъ. Работа приближалась къ концу, и былъ назначенъ день пріема у государя.

Наканунъ аудіенціи, когда Виткевичъ торопился окончить схематическую карту Афганистана, въ дверь номера кто-то постучалъ.

¹⁾ По свѣдѣніямъ Сунгурова, Виткевичъ посѣтилъ сначала Бухару, Хиву, а потомъ проникъ въ Афганистанъ и Персію. По другимъ свѣдѣніямъ, Виткевичъ изъ Хивы направился въ Афганистанъ, а оттуда уже проникъ съ караваномъ въ Бухару. Я. П.

— Войдите!—крикнулъ Виткевичъ.

Вошелъ пожилой господинъ съ великосвѣтскими манерами, держа въ лѣвой рукѣ цилиндръ и перчатку.

— Панъ Виткевичъ?—тихо спросилъ вошедшій.

Виткевичъ нѣсколько секундъ присматривался къ гостю, а потомъ радостно привѣтствовалъ:

— Панъ Тышкевичъ?... Какъ я радъ, какъ счастливъ видѣть!

Встрѣтились два друга, два единомышленника, пострадавшіе за одну идею и одновременно помилованные. Полилась дружеская бесѣда. Пріятели дѣлились впечатлѣніями, ворошили прежнюю жизнь.

Виткевичъ началъ рассказывать про свои странствованія, про ту «великую услугу», которую онъ оказалъ Россіи, и не могъ не подѣлиться мечтами о будущей карьерѣ.

По мѣрѣ того, какъ онъ развивалъ нить своихъ скитаній, приводя эпизоды съ переодѣваніями, бритьемъ головы, лицо собесѣдника дѣлалось все мрачнѣе и мрачнѣе. Наконецъ онъ не выдержалъ, вскочилъ со стула и крикнулъ:

— Стыдись, панъ Виткевичъ... Ты говоришь про свое порученіе, какъ про какой-то святой подвигъ... И это ты, который не задумался принести въ жертву свою жизнь, богатство и почетъ во имя идеи освобожденія дорогой родины отъ рабства... И вдругъ самъ же способствуешь порабощенію самостоятельныхъ государствъ. Ты, презиравшій предателей, самъ сталъ шпиономъ и предателемъ...

Проговоривъ это сдавленнымъ голосомъ, Тышкевичъ почти выбѣжалъ изъ номера.

Виткевичъ минуту остался неподвижнымъ, а потомъ схватился руками за голову и зарыдалъ. Иногда изъ груди у него вырывался стонъ, и, точно отъ боли, онъ качалъ головой и скрежеталъ зубами.

— Предатель... Да, вѣрно предатель...—шепталъ онъ.

— Такъ да будетъ же все проклято!

Виткевичъ схватилъ со стола планы, чертежи, записки и сталъ бросать въ потухающій каминъ. Скоро компата освѣтилась красноватымъ пламенемъ. Огонь жадно пожиралъ бумагу... Вотъ брошенъ планъ Хивы. Огонь сталъ перебѣгать по краямъ александрійскаго листа, потомъ охватилъ его со всѣхъ сторонъ, и черезъ мгновеніе отъ важнаго документа осталась обуглившаяся масса, которая съ легкимъ трескомъ свернулась и рассыпалась.

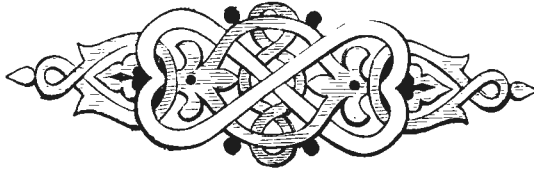
Виткевичъ вздрогнулъ, провелъ рукой по влажному лбу, подошелъ къ комоду и вынулъ изъ его ящика пистолетъ.

— Прощай, надежды и мечты...—прошепталъ онъ, садясь въ кресло противъ камина.

Черезъ минуту въ номерѣ раздался выстрѣлъ, гулко прокатившійся по коридору гостиницы.

Получивъ вѣсть о самоубійствѣ Виткевича ¹⁾ и о томъ, что предъ смертью онъ сжегъ всѣ записки и планы, Перовскій былъ потрясенъ. Ему жалко стало и этого образованнаго умнаго офицера и тѣхъ важныхъ свѣдѣній, имъ добытыхъ, которыя приближали къ скорому осуществленію мечту Перовскаго о походѣ на Хиву.

Я. Я. Полферовъ.

¹⁾ Официальные документы умолчали о причинѣ самоубійства Виткевича, а общество отнесло его въ разрядъ «загадочныхъ». Только у Гумбольдта, который въ своемъ трудѣ «Asie Centrale» часто упоминаетъ о Виткевичѣ и горько сожалеетъ о безвременной кончинѣ «этого молодого умнаго изслѣдователя», есть намекъ на то, что послѣдній «въ силу своей честной натуры не могъ примириться съ тою ролью, которая ему была поручена отъ русскаго правительства». Вотъ эта-то раздвоенность, вѣроятно, и привела къ роковой развязкѣ. Я. П.